

С. П. Глянцев

ВРЕМЕНА НОВЫЕ — ПРОБЛЕМЫ СТАРЫЕ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. ПИРОГОВА (ПУБЛИКУЕТСЯ В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ)

НИИ истории медицины РАМН, Москва

Статья А. А. Будко и Ю. В. Ивановского "Музей Русского хирургического общества Пирогова: прошлое и настоящее" посвящена актуальному направлению современной истории медицины, которое можно определить как медицинское музееведение¹, и содержит материал, касающийся "прошлого и настоящего" первого русского мемориального музея хирургии.

Несмотря на обилие приведенных в статье фактов, авторская трактовка не всех из них представляется нам исчерпывающей или доказательной. Ряд выдвинутых положений и выводов противоречит опубликованным ранее данным, а потому они спорны. Вместе с тем, как мы считаем, одновременная публикация статьи в авторской редакции и открытой ее рецензии, содержащих в чем-то одинаковые, а в чем-то разные точки зрения авторов и рецензента на проблему медицинских музеев, может стать отправной точкой для развертывания на страницах журнала научной дискуссии по такому важнейшему вопросу, как сохранение культурного и научного (медицинского) наследия нашего Отечества в XXI веке.

А подискутировать тут есть о чем. Тем более что, несмотря на новые времена и веяния, в частности, на создание в России в последние годы сразу нескольких медицинских и хирургических музеев, в силу ряда проблем музейное дело в отечественной медицине все еще не обрело своего должного статуса. И проблемы эти родились не сегодня. Попробуем рассмотреть в данной статье, что сделано для их решения.

О музейной преемственности

Основной темой обсуждаемой статьи, как это заявлено в ее названии, является непростая судьба ("прошлое и настоящее") первого в России Хирургического музея Н. И. Пирогова (далее — Музей Пирогова)² и его "многострадальной" коллекции. Между тем после прочтения статьи у нас сложилось впечатление, что авторы работы пытались отразить в ней еще две второстепенные, но равнозначные с основной темы, которые можно обозначить, как "Военно-медицинский музей МО РФ: прошлое и настоящее" и несколько в меньшей степени — "Исследование научного, творческого, философского и педагогического наследия Н. И. Пирогова". При этом первая тема поднята с очевидной целью — указать читателю на современного преемника Музея Пирогова, коим, по мнению авторов, является (или может считаться таковым) Военно-медицинский музей (ВММ) МО РФ.

В связи с этим мы считаем логичным, что авторы начинают статью о Музее Пирогова с абзаца, посвященного ВММ. Однако их последующее заявление о том, что "по сути ВММ является преемником первых медицинских музеев Российской империи и Советского Союза..."³, к которым авторы относят и "занимающий особое место в этом списке" Музей Пирогова, мягко говоря, весьма голословно, хотя бы потому, что более чем из 1600 единиц хранения⁴ одного только пироговского фонда этого уникального музея в ВММ в 1946—1951 гг. было передано всего 630 предметов⁵, или 42%. Правда, сами авторы, рассуждая о преем-

ственности, об этих цифрах почему-то умалчивают.

Однако никакой другой аргументации "преемственности" в статье нет! Возможно, авторы имеют в виду преемственность духовную? О том, что вся русская хирургия в известном смысле является преемницей идей и наследия Н. И. Пирогова, говорил еще В. А. Оппель (1923 г.). Но, говоря о преемственности двух музеев, мы подразумеваем прежде всего преемственность материальную, предметную, экспозиционную. Ведь нельзя же, право, нынешний Пироговский зал ВММ считать (даже отдаленно) прообразом занимавшего когда-то несколько больших залов, да еще в отдельном здании Музея Пирогова! К тому же, как авторам прекрасно известно, в этом музее хранились фонды не только Николая Ивановича, но и других знаменитых российских хирургов. Одна только библиотека музея к 1896 г. насчитывала более 2000 томов (на музейном языке — единиц хранения)⁶! Кроме того, в понятие "музей", помимо музейных предметов и архивных документов, входят шкафы для их хранения, витрины для экспонирования, столы и стулья для сотрудников и другая музейная утварь. Для того, чтобы стать полноправным преемником такого музея, требуется долгая и кропотливая работа по его реконструкции или воссозданию, а не одно лишь желание быть им, даже имея часть его коллекции.

Впрочем, такая эскизно обозначенная "преемственность" не мешает авторам в том же абзаце заявить, что невозможно "точно и достоверно определить, какие именно экспонаты хранились в музее и куда они были переданы" после его расформирования в 1935 г., так как "не сохранились ни книги поступлений, ни акты передач музейных предметов". При этом "создавшееся положение", как считают авторы, "является основой для ряда неточностей и домыслов, которые не подтверждены историческими фактами, но тем не менее нередко появляются в печати".

Очевидно, что "камень брошен в огород" двух других исследователей судьбы Музея Пирогова — Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко (Музей Н. И. Пирогова. — СПб.: Наука, 2002), поскольку какие-либо другие, более подробные, чем это, исследования судьбы музея нам не известны. Однако в отличие от уважаемых авторов статьи Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко попытались отыскать следы коллекции исчезнувшего музея и даже обнаружили ее часть. Об этом они не только подробно поведали на 28 (!) страницах своей книги⁷, но и перечислили целых 117 (!) единиц хранения в приложении № 2, ссылаясь на протоколы Русского хирургического общества Пирогова (РХОП) за 1882—1935 гг.⁸

В противоположность этому авторы статьи, имея в своем распоряжении "протоколы фондово-закупочной комиссии ВММ", даже не удосужились хотя бы сосчитать пироговские реликвии, когда-то поступившие в их музей.

Именно поэтому мы считаем положение статьи А. А. Будко и Ю. В. Ивановского о том, что "по сути ВММ является преемником первых медицинских музеев Российской империи..." в целом и Музея Пирогова, в частности, голословным и недоказанным.

О пироговском наследии

Однако и претендовать на "исследование научного, творческого, философского и педагогического наследия Н. И. Пирогова", которое "еще далеко от своего завершения", о чем заявлено в начале последнего абзаца статьи, ее авторы тоже не могут. Ведь речь в ней идет о музейных предметах, которые еще только подлежат изучению. И практически ничего нового из "наследия Н. И. Пирогова", за исключением "записки о жалованиях" на странице 13, авторы не представили. Еще об одном их

¹Надо отметить, что в классическом "музееведении" такого термина нет. Но мы используем его по аналогии с сердечной хирургией, мозговой хирургией, сосудистой хирургией и т. п.

²Первый музей хирургии в России был организован при Императорской Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге П. П. Заблочкин-Десятковским в 1863 г. Музей Пирогова был первым мемориальным хирургическим музеем.

³Здесь и далее слова в кавычках без ссылок принадлежат авторам рецензируемой статьи.

⁴Понятие "единица хранения" не равнозначно понятию "музейный предмет", ибо под одной "единицей" может быть записано несколько предметов.

⁵Шевченко Ю. Л., Козовенко М. Н. Музей Н. И. Пирогова. — СПб.: Наука, 2002. — С. 140—148.

⁶Там же. — С. 72.

⁷Там же. — С. 148—177.

⁸Там же. — С. 217—231.

"научном открытии" — "подлинном тексте письма Н. И. Пирогова к Т. Билльроту" — речь пойдет ниже.

В то же время на странице 6 рукописи они сетуют: "для того, чтобы решить вопрос о том, принадлежали ли они (записные книжки Пирогова — С. Г.) Н. И. Пирогову лично или просто (как это? — С. Г.) находились в музее РХОП, необходимо провести комплексную почерковедческую экспертизу...". Но, товарищи дорогие, у вас же в музее есть подлинники писем Н. И. Пирогова. Что же мешает вам провести эту самую экспертизу и внести тем самым существенный вклад в изучение пироговского наследия?

Таким образом, цель статьи — кратко описать к 100-летию со дня основания Музея Пирогова его прошлое и настоящее, хотя и крайне актуальна, но сформулирована весьма расплывчато и не конкретно. Отсюда — неконкретность выводов, из которых неясно, что же хотели авторы сказать в заключение своего исследования. О том, что "исследование научного, творческого, философского и педагогического наследия Н. И. Пирогова еще далеко от своего завершения"? Но это ясно и так. Или о том, что "говорить о возрождении Музея Н. И. Пирогова не приходится"? Но не потому ли "необходимость организации нового музея представляется авторам спорной", что, по их мнению, есть его достойный во всех отношениях преемник, что, как мы показали выше, весьма спорно? Или же, что вообще надо забросить всю поисковую деятельность (например, поиск утраченных "книг поступлений и актов передач" Музея Пирогова), а "сосредоточить усилия на целенаправленной научно-исследовательской работе"? Что ж, идея хорошая. Только на чем же конкретно предлагают сосредоточить усилия авторы? К нашему удивлению, отнюдь не на дальнейшем исследовании материального и изрядно утраченного пироговского наследия, а всего лишь на "работе по созданию единого каталога всего (???) культурного наследия (вопросы и курсив наш — С. Г.) гения российской медицины".

Но что мешает авторам начать создавать такой каталог уже сейчас? Например, с составления перечня и описания пироговских реликвий, хранящихся в ВММ, хотя бы по "протоколам фондово-закупочной комиссии"? В связи с этим интересно узнать, а когда была проведена последняя ревизия "пироговского фонда" в ВММ, если авторы ничего не сообщают о его количестве и качественном содержимом? Если они обладают этими сведениями, то почему не поделится с нами?

История любит точность

Если бы мы не знали авторов как серьезных историков медицины и научных работников, то мы бы, возможно, и не приняли во внимание несколько допущенных ими небрежностей. Но *quod licet bovi, non licet Jovi*. Ведь статья претендует на историческую точность.

Так, из изложения неясно, что же на самом деле в 1897—1930 гг. называли "Хирургическим музеем Н. И. Пирогова"? Так называли здание, в котором он располагался и которое, по мнению Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко, РХОП построило специально для музея⁹, или же этим понятием обозначали, как считают уважаемые авторы статьи, всего лишь "собранные коллекции", которые "в дальнейшем получили название "Хирургический музей Н. И. Пирогова"?

Формально здание музея действительно принадлежало РХОП и называлось "Дом РХОП". Однако ведь, с одной стороны, как пишут Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко, стратегической задачей РХОП было не строительство здания для своих нужд, а возведение "пироговского дома", предназначенного для хранения пироговских реликвий. Именно поэтому в их книге фотографии этого здания так и подписаны: "Хирургический музей Н. И. Пирогова"¹⁰. Это уже потом, в ходе строительства было принято решение проводить в нем заседания РХОП. А с другой стороны, называя "музеем" одну только коллекцию, можно договориться до того, что попавшие в ВММ пироговские раритеты следует называть не просто "коллекцией Музея Пирогова", а "восстановленным Хирургическим музеем Н. И. Пирогова"!

Еще несколько исторических "небрежностей". Авторы скрупулезно выписали из нескольких источников фамилии первых председателей РХОП, не назвав, правда, кто же, по их мнению, был истинным. Но, упоминая председателей РХОП, они почему-то не назвали первого "консерватора" (директора и хранителя) Музея Пирогова доктора медицины С. Я. Чистовича¹¹, что, на наш взгляд, для статьи гораздо важнее, тем более что всего-то консерваторов этого музея было двое.

На стр. 10 рукописи упомянута экспонируемая в Пирогов-

ском зале ВММ грамота "о пожаловании Н. И. Пирогова чином тайного советника... от 4 марта 1859 г.". Но у А. М. Геселевича эта дата (кстати, со ссылкой на инвентарный № 18712 ВММ) иная — 24 марта¹².

На странице 11 упомянут портрет Н. И. Пирогова "карандашом на бумаге Н. Д. Дмитриева-Оренбургского". Однако нам известен только один портрет этого художника, хранящийся в Музее Пирогова, выполненный на холсте маслом и подаренный музею А. Л. Эберманом в 1897 г. О каком тогда "портрете карандашом" идет речь?

Музейное дело — это контроль и учет

А теперь — о точности в музейном деле. Известно, насколько боготворят музейные работники священные для них аббревиатуры ВХ (временное хранение) и ПХ (постоянное хранение), насколько они благоговейно перед инвентарными "книгами поступлений" и "актами передачи" предметов куда-либо на ВХ или ПХ. И мы не сомневаемся, что точно так же обстоят дела и в ВММ (а иначе и быть не может!). Но... Читаем статью.

Первыми экспонатами музея стали фрагменты и микроскопические препараты злокачественной опухоли Н. И. Пирогова ... а также бронзовый бюст Н. И. Пирогова работы знаменитого художника и скульптора И. Е. Репина¹³. Оставим на совести авторов "скульптора И. Е. Репина", ибо "русский живописец, передвижник ... мастер рисунка"¹³. Репин скульптором себя никогда не считал и не называл. И разговор не о нем. А о том, что вслед за этой фразой уникальнейшей и богатейшей коллекции музея посвящено всего... 6 строк общих слов! А ведь только за первый год существования музея в его фонды поступило 547 (!) "номеров пожертвования", под многими из которых значилось до нескольких сотен документов¹⁴. В конечном итоге, как мы уже говорили, к концу 30-летнего существования Музея Пирогова его "пироговский фонд" насчитывал более 1600 единиц хранения! Но об этом авторы опять предпочитают умолчать, рассказав зачем-то о неприятии "большинством правления РХОП" Октябрьской революции 1917 г., что, по их мнению, стало отправной точкой последующего угасания славы музея.

Ну да ладно. Не рассказали нам уважаемые авторы о коллекции Музея Пирогова. Но, может быть, они расскажут о том, как она исчезла, пропадала, растаскивалась в годы советской власти как "не вписывавшаяся в идеологические рамки" того времени? Ведь вместе с авторами и нам "с болью и удивлением приходится читать о том, как ... литографские камни, с которых печатались знаменитый атлас Н. И. Пирогова ... были превращены в строительный щебень"!

Так скажите нам, хотя бы приблизительно, сколько раритетов утрачено безвозвратно, а сколько сохранилось? Кто конкретно отвечал за сохранность коллекции и передачу реликвий кафедрам Военно-медицинской академии (ВМА) в 1930-е годы? Кто этот злодей или эти злодеи? И почему никаких "актов передачи" составлено не было? Кто распорядился передавать ценности без каких-либо документов? Это же самый больной вопрос для любого читателя-историка, а тем более для музейного работника!

Вместо этого авторы пишут о каких-то им неведомых, безликих "сотрудниках, принимавших реликвии на кафедрах", о их "недостаточных знаниях в области истории и музейной работы", а также об "отсутствии необходимых условий для хранения и реставрации" этих реликвий, что и привело к "безвозмездной утрате ценнейших пироговских раритетов". Но о чем идет речь? О каких "ценнейших" (точнее — бесценных) раритетах?

Оказавается, авторы "горюют" о немногом, всего лишь о "золотом ордене Белого Орла ... которым был награжден Н. И. Пирогов" (непонятно только, что пропало — крест ордена, или его звезда, или то и другое?), о "так называемой "золотой малой демидовской медали", также упоминающейся в литературе (? — С. Г.) как об утраченной", да о 6 записных книжках, которые в наличии в фондах ВММ вроде бы есть, но которых как бы и нет, поскольку их принадлежность Н. И. Пирогову еще только необходимо установить "проведением комплексной почерковедческой экспертизы".

В то же время Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко, монография которых, кстати, хорошо известна авторам обсуждаемой статьи, приводят другие цифры и другие данные. Всего, по их мнению, утраченными (безвозвратно?) являются около 515 единиц хранения из 1600, включая 140 литографских камней, 110

¹²Геселевич А. М. Летопись жизни Н. И. Пирогова. — М.: Медицина, 1976. — С. 62.

¹³Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. Т. 2. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — С. 260.

¹⁴Шевченко Ю. Л., Козовенко М. Н. Музей Н. И. Пирогова. — СПб.: Наука, 2002. — С. 53.

⁹Там же. — С. 30—39.

¹⁰Там же. — С. 45, 52, 69, 71, 76.

¹¹Там же. — С. 63.

поздравительных адресов, несколько авторских работ И. Е. Репина (портрет Н. И. Пирогова, выполненный по заказу его вдовы, бронзовый бюст хирурга, гипсовые бюсты Николая I и его супруги Александры Федоровны), бюст Н. И. Пирогова работы скульптора Н. А. Степанова, а также ордена (по-видимому, кресты и звезды) Белого Орла и Святой Анны III степени, малая (золотая) Демидовская медаль и часть писем Н. И. Пирогова¹⁵.

Какой же вывод делают авторы статьи из этих потерь? Оказывается, по их мнению, все "эти факты являются иллюстрацией того, что может статься с самыми ценными реликвиями, если они находятся не на государственном хранении в музеях (курсив наш. — С. Г.), а принадлежат каким-то организациям (каким же? — С. Г.), ведомствам (в данном случае, очевидно, ВМА РККА — С. Г.) и обществам (по-видимому, РХОП — С. Г.)". Полагаем, что сюда можно отнести и упомянутых авторами "сотрудников, принимавших реликвии на кафедрах" с их "недостаточными знаниями в области истории и музейной работы". Иначе говоря, частных лиц.

С таким утверждением спорить трудно. Действительно, в государственном музее учет и контроль музейных ценностей организован несравнимо лучше, чем в негосударственном. И в государственном музее с ценными реликвиями статься, как считают авторы, ничего не может.

Смеем возразить. Еще как может! Как стаслось с теми музейными реликвиями Российской империи, которые в 1920-х годах большевики в большом количестве продали за границу. Как стаслось с художественными ценностями Германии, которые в 1945 г. они точно также, невзирая ни на какие "инвентарные книги и акты передачи", "вагонами" и "составами" вывозили в Советский Союз. Примеры можно множить. Но вот вопрос.

Почему до Первой мировой войны Музей Пирогова регулярно пополнялся, а при установлении советской власти "поступление новых музейных предметов в фонд Н. И. Пирогова значительно сократилось и стало иметь единичный характер"? Не потому ли, что изменилось отношение, нет, не к Н. И. Пирогову, а к сохранению культурного наследия страны (включая историю медицины) в целом? Ведь почему Музей Пирогова прекратил в 1935 г. свое существование? Да потому, что его здание понадобилось ВМА РККА для... размещения нового набора слушателей академии¹⁶.

Да, значительная часть его коллекции (около 400 предметов) была передана на хранение кафедрам ВМА. Но мы бы не стали укорять "сотрудников, принимавших реликвии на кафедры" за их "недостаточные знания", за отсутствие у них "условий для хранения и реставрации" (какой реставрацией они могли заниматься?) Наоборот. Мы бы сказали им огромное спасибо, что они приняли то, что руководству академии вдруг стало не очень нужным. Причем, кафедрам были переданы не только музейные предметы, но и "шкафы, столы, витрины", а библиотеке академии — фундаментальная библиотека музея¹⁷! И, возможно, только благодаря этим (безымянным?) сотрудникам кафедр факультетской (бывшей госпитальной, а ныне абдоминальной), госпитальной (ныне торакальной) и оперативной хирургии с топографической анатомией сохранились некоторые литографские камни из хранившихся в Музее Пирогова 140 штук¹⁸.

Часть раритетов может храниться в музее кафедры патологической анатомии академии, часть — в фундаментальной библиотеке. Мы потому пишем "может храниться", что не уверены, есть ли они там сегодня. И потом — почему нельзя восстановить имена "сотрудников, принимавших реликвии на кафедрах"? Ведь по крайней мере начальники этих кафедр или их заместители, а их имена хорошо известны, наверняка участвовали в приеме раритетов из музея на свои кафедры. Не могли не участвовать!

Этот перечень подразделений академии, очевидно, можно продолжать. Но мы полностью согласны с Ю. Л. Шевченко и

¹⁵ Там же. — С. 174—176.

¹⁶ Там же. — С. 137.

¹⁷ Там же. — С. 137—138.

¹⁸ 4 декабря 1869 г. Н. И. Пирогов отправил в Медико-хирургическую академию (ныне ВМА) письмо, в котором "признал литографские камни, послужившие для его атласа "Иллюстрированной топографической анатомии разрезов", полной и неотъемлемой собственностью академии... 14 февраля того же года Конференция МХА постановила принять эти камни" (Геселевич А. М. Летопись жизни Н. И. Пирогова. — М.: Медицина, 1976. — С. 72). Количество камней не указано, но известно, что в атласе было 216 литографированных рисунков форматом в лист (Геселевич А. М. Научное, литературное и эпистолярное наследие Н. И. Пирогова. — М.: Медгиз, 1956. — С. 67). В 1897 г. 158 камней ВМА передала в дар Музею Пирогова (Шевченко Ю. Л., Козовенко М. Н. Музей Н. И. Пирогова. — СПб.: Наука, 2002. — С. 220).

М. Н. Козовенко, что потери коллекции Музея Пирогова "могли быть еще более ощутимы, если бы не самоотверженность многих, малоизвестных сегодня сотрудников того же Хирургического музея Н. И. Пирогова и ВМА РККА им. С. М. Кирова, на долю которых выпала честь сохранения пироговских реликвий... Благодаря им в наши дни мы продолжаем соприкасаться с вещественной историей отечественной хирургии..."¹⁹.

И еще вопрос. В преддверие 1940-х годов военным медикам было не до мемориальных музеев. Это понятно. Непонятно другое. Что сегодня мешает сотрудникам ВММ МО РФ заняться выявлением и сбором хотя бы части их тех 400 (!) предметов, переданных когда-то на ВХ (!) кафедрам ВМА МО РФ? Ведь оба уважаемых учреждения принадлежат одному ведомству — Министерству обороны. Оба заинтересованы в сохранении культурного и научного наследия "гения российской медицины". Что мешает сегодня собрать по кафедрам, отреставрировать и сохранить в надлежащих условиях хотя бы часть того, что еще можно собрать, отреставрировать и сохранить, и тем самым действительно сделать колоссальный, неоченимый вклад в сохранение наследия Н. И. Пирогова!

Военно-медицинский музей МО РФ — преемник Хирургического музея Н. И. Пирогова?

Однако стремление многоуважаемого Анатолия Андреевича и его соавтора несколько другое. Точнее — совсем иное. Порой создается впечатление, что и статья написана только для этого. Стремление такое: доказать, что если бы все (!) пироговские реликвии были в свое время переданы ВММ на ПХ, тогда бы ничего и не пропало, все бы сохранилось. И не надо было бы сегодня "копья ломать" и искать виновного в том, что жемчужина медицинских музеев Российской империи столь бездарно "профукана".

Однако и в это положение авторов верится с трудом, ибо Музей Пирогова был расформирован в 1935 г., а ВММ создан только в 1946—1951 гг. (на бумаге — в 1942 г.). И большая часть литографских камней была превращена в щебенку гораздо раньше. Да и сам ВММ был задуман не как в свое время Музей Пирогова — для сохранения реликвий великого хирурга или как мемориальный музей хирургов России, а как, говоря словами авторов, учреждение для "сбора данных, обобщения и изучения опыта советской медицины в годы Великой Отечественной войны..."

Но (и это естественно!) не одни только документы о войне собирали его сотрудники. "Особое внимание ВММ привлекали музейные коллекции (почему не коллекция? — С. Г.) бывшего музея РХОП, экспонаты которого оказались в самых различных местах. Сотрудники ВММ под руководством А. Н. Максименкова провели огромную работу по сбору информации о реликвиях Н. И. Пирогова..., в результате которой... многие экспонаты в 1946—1951 гг. поступили в фонды ВММ". Благодаря такому подвижничеству "в настоящее время в фонде Н. И. Пирогова ВММ насчитывается свыше 600 музейных предметов (курсив наш. — С. Г.), представляющих огромную научную ценность: рукописей, прижизненных печатных изданий, личных вещей Н. И. Пирогова, предметов изобразительного искусства и т. д.". Наконец-то мы услышали эту цифру из уст самих авторов — свыше 600 предметов!

Каких же? Расскажите нам скорее, поделитесь сведениями из первоисточников! Но авторы не спешат. "Все реликвии, связанные с именем Н. И. Пирогова (причем не только хранящиеся в ВММ), можно условно разделить на 5 групп", — сообщают они, уходя от прямого ответа.

1. "Предметы, находящиеся на хранении в ВММ и полученные из Пироговского музея, что подтверждается или штампом музея с его фондовыми номерами 5 или беспорядочной идентификацией предмета по фотографиям экспозиции музея..." (очевидно, что это и есть те "свыше 600 предметов", о которых шла речь — С. Г.).

2. "Предметы, находящиеся на хранении в ВММ, но на которых отсутствует штамп или иные (какие? — С. Г.) обозначения Пироговского музея, однако лица, их передававшие, утверждали, что эти предметы находились в музее Н. И. Пирогова".

3. "Предметы, находящиеся на хранении в ВММ и которые по разным причинам могут быть отнесены к наследию Н. И. Пирогова, например, книги с его автографом".

4. "Предметы, связанные с именем Н. И. Пирогова, но находящиеся вне музейного хранения", в том числе: а) хранящиеся на кафедрах и в библиотеке ВМА; б) хранящиеся в других учреждениях России; в) хранящиеся в "недоступных для историков архивах (каких? — С. Г.) и коллекциях (музеев? — С. Г.) и у частных лиц.

¹⁹ Там же. — С. 176.

5. "Предметы, находящиеся за пределами России и малодоступные отечественным исследователям".

Отдадим должное авторам, которые, возможно, впервые в отечественном пироговведении, предложили некую общую, рабочую классификацию пироговского наследия, настраивающую пироговведов — профессионалов и любителей — на поисковый лад, предлагающую ориентиры этого поиска. Но в связи с этим вопросов возникает гораздо больше, чем дается ответов.

Группа 1. Вместо того, чтобы четко и ясно сказать, что из переданных нам когда-то 600 предметов сегодня в наличии имеется столько-то, включая рукописи (столько-то), грамоты (столько-то) и т. д., с 1951 г. предметов со штампами "или иными обозначениями Музея Пирогова" выявлено столько-то, из них в фонды ВММ поступило столько-то и т. д. Вместо этого в статье названы "многочисленные" рукописи и 2 грамоты. И все! И что же, больше в ВММ ничего нет? Авторы рассказали о том, какую "огромную работу по сбору информации о реликвиях Н. И. Пирогова, хранившихся в музее РХОП", провели сотрудники ВММ, но о том, сколько и каких предметов они выявили — ни слова! И "по какой причине приказ о передаче коллекций бывшего Пироговского музея в ВММ был составлен таким образом, что оставлял начальникам подразделений ВМА право самим решать вопрос о том, что именно передавать, а что не передавать в фонды ВММ". Кто подписал этот грабительский приказ и почему начальники кафедр считали, что они имеют полное право хранить у себя национальное достояние страны! Назовите их поименно!

Почему русские хирурги жертвовали самое дорогое в Музей Пирогова, а советские хирурги — "закачивали" (прекрасно, впрочем, понимая, что они "закачивали", иначе бы отдали!). И "зачивали" не просто в какой-то частный музей, каким, по сути дела, был принадлежавший РХОП Музей Пирогова, а в первый в истории нашей страны государственный Военно-медицинский музей Министерства Обороны СССР, созданный по приказу министра! Почему же медицинские полковники и генералы считали возможным игнорировать приказ своего министра о создании музея? Или же в приказе не было ничего сказано о "пироговском наследии"?

Далее авторы переходят к группе 2, но также, упомянув лишь некоторые относящиеся к ней предметы, не сообщают нам о ее численном составе. Тот же самый вопрос по поводу группы 3: сколько же в ВММ хранится книг с автографами Н. И. Пирогова — 5, 10, 100? Ведь не одни же "сочинения" Амбруаза Паре²⁰? А что еще? Это же крайне интересно!

Остановимся на группе 4. В 1946—1951 гг., как это следует из приведенной выше цитаты, сотрудники ВММ под руководством его первого директора А. Н. Максименкова приложили поистине титанические усилия, чтобы собрать по кафедрам ВМА "свыше 600 предметов", принадлежавших Музею Пирогова. Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко уточнили эту цифру: "С кафедр и других подразделений ВМА поступило около 630 музейных предметов, относящихся к пироговскому фонду бывшего Хирургического музея"²⁰. Но остается все тот же вопрос: сколько раритетов из Музея Пирогова хранится в ВММ сегодня (группы 1 и 2)? Сколько их и где удалось найти за период с 1951 по 2007 г.? Сколько (из группы 2) удалось атрибутировать на предмет их принадлежности к музею?

Еще вопросы. Как выглядел штамп Музея Пирогова? Какие "особые обозначения" принадлежности к музею, помимо штампа, существовали? Неужели сотрудники ВММ с 1951 г. нашли одну только "записку о жаловании", приобретенную в 2006 г. у частного лица, текст которой приведен в статье? И по какой причине "сейчас трудно определить, где и какие именно экспонаты этого музея находятся", если еще в 1953 г. было известно, что на кафедрах ВМА осталось около 400 предметов²¹? Почему сегодня сделать это трудно, если не невозможно? Не потому ли, что, рискуем предположить, большей части их уже нет! Но тогда что мешало сделать это раньше и кто виноват в том, что это не было сделано?

И что это за такая "особая кладовая" фундаментальной библиотеки ВМА, доступ в которую "весьма ограничен", но в которой хранилось несколько сотен (общим объемом около 2000 листов!) рукописей Н. И. Пирогова, которые в свое время "зачивал" ее бывший заведующий²²? Объясните нам, не служившим в Советской Армии, почему директор ВММ, заместитель начальника академии с 1953 по 1953 г., генерал-майор медицинской службы, член-корреспондент АМН СССР профессор А. Н. Максименков не смог найти управу на заведующих библиотекой В. И. Белоликова (в 1944—1951 гг.) и А. Г. Дыканова (в

1951—1956 гг.)? Кто были эти люди? Может быть, начальники ВМА, генерал-лейтенанты или академики? А почему нельзя было этого сделать после 1956 г., когда А. Г. Дыканов ушел, а А. Н. Максименков все еще оставался заместителем начальника ВМА? Что, новый заведующий был еще "круче" А. Г. Дыканова?

Отсюда — вопрос: а имеет ли нынешний директор ВММ, известный, заслуженный и уважаемый в музейном мире человек, полковник медицинской службы профессор А. А. Будко доступ в это хранилище и, если имеет, хорошо бы получить у него прямой ответ на вопрос — имеются ли эти рукописи объемом в 2000 листов в наличии, в каких условиях они хранятся и кто имеет к ним доступ сегодня, если в свое время к ним не был допущен даже А. Н. Максименков.

Подобные вопросы по мере прочтения статьи возникают снова и снова. Например, какие такие "некоторые предметы пироговского наследия из музея РХОП до сих пор находятся на кафедрах оперативной хирургии с топографической анатомией и патологической анатомии ВМА"? Добавим: а также на кафедрах абдоминальной и торакальной хирургии, в библиотеке, Музее истории и других подразделениях ВМА? Почему нельзя составить их перечень и точно сказать, сколько из бывших в 1953 г. 400 единиц хранения осталось? Неужели это так сложно? Интересно также знать, входили ли в это число только музейные предметы, или еще и мебель музея (шкафы, витрины, столы, стулья и т. п.), сохранилась ли она до сего дня?

Что же касается "пироговских реликвий, хранившихся в других учреждениях России" (группа 4б), то авторам почему-то известен один только подаренный Ю. Л. Шевченко Российскому научному центру хирургии им. Б. В. Петровского РАМН литографский камень, хранящийся ныне в Музее Центра. По-видимому, просто потому, что таким поиском они не занимались. Потому что, если бы они обратились к существующим в России медицинским музеям, то наверняка бы нашли несколько десятков предметов пироговского времени. По нашим сведениям, таковые есть в музее ММА им. И. М. Сеченова (литографские листы атласа "распилов замороженного тела", хирургический инструментарий первой половины XIX века, изготовленный на Петербургском инструментальном заводе, управляющим которого был Н. И. Пирогов, его книги и фотографии), в музее Института хирургии им. А. В. Вишневского (документы, автографы, книги и фотографии Н. И. Пирогова), в музее сердечно-сосудистой хирургии НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН — редкое ревельское издание атласа хирургических стволов и фасций (1841 г.), 1-я часть "Начал общей военно-полевой хирургии" (1865 г.), принадлежавшая генерал-лейтенанту медицинской службы проф. В. С. Левиту. Только, скорее всего, ни с одним из этих раритетов ни один из упомянутых выше музеев не расстанется, ибо в этих музеях все это (естественно!) имеет гриф "ПХ" и никто своих реликвий просто так ВММ не подарит. Но я хочу сказать не о том.

Я хочу сказать, что все эти предметы были найдены в частных коллекциях и приобретены данными музеями у частных лиц!

Могут ли быть "предметы, связанные с именем Н. И. Пирогова" еще где-либо в России? Вполне вероятно. Например, в Воронеже, куда в 1920-е годы был эвакуирован Юрьевский (Дерптский) университет, в котором учился и служил Н. И. Пирогов. Кстати, именно в Воронеже в 1942 г. приобрел "ревельский 1841 г. издания" атлас Н. И. Пирогова проф. Г. А. Орлов, закончивший Воронежский медицинский институт и учившийся там в ординатуре в 1930-е годы.

Про некие "недоступные историкам архивы и коллекции" (группа 4в) мы ничего говорить не будем, ибо таковых не знаем. Но в том, что пироговские вещи есть в частных коллекциях, убеждены. Недавно на вернисаже в Измайлово нам в руки попала великолепно сохранившаяся 2-я часть "Начал общей военно-полевой хирургии" 1866 г. издания. Но искомая сумма в твердой валюте в наших карманах, к сожалению, отсутствовала.

С тем, что "предметы, находящиеся за пределами России, малодоступны отечественным исследователям", как утверждают авторы (группа 5), тоже позвольте не согласиться. Полагаем, что любому российскому исследователю доступны и фундаментальная библиотека Тартуского (бывшего Дерптского) университета, где хранятся документы и фотографии дерптского периода жизни Н. И. Пирогова, и Одесский медицинский университет, носивший с 1951 по 1991 г. имя Н. И. Пирогова, в Анатомический музей которого А. А. Бистром передала на хранение личные вещи мужа, и даже Национальный музей-усадьба Н. И. Пирогова в Виннице, где, по данным его директора Г. С. Собчук, хранится сегодня 55 пироговских реликвий²³. Кстати, авторы статьи на стр. 9 сообщают, что "в первые послевоенные годы туда была передана часть пироговской коллекции из ВММ (всего

²⁰ Там же. — С. 148.

²¹ Там же. — С. 174.

²² Там же. — С. 148.

²³ Там же. — С. 147.

около 125 предметов..."). И снова вопрос: почему "около", а сколько точно по актам передачи. Составлялись ли они? Ю. Л. Шевченко и М. Н. Козовенко считают, что переданных предметов было гораздо больше — "около 450"²⁴. Но вопрос о том, почему сейчас их осталось 55, не к авторам. В 1956 г. Музей-усадьба перешел в подчинение Минздрава УССР, а после 1991 г. и вовсе стал заграничным.

Повторим в который раз: что же мешает вам, уважаемые товарищи авторы — музейщики, радители пиროговского наследия, заняться поиском, сбором (хотя бы "цифровым", виртуальным) и каталогизацией (описанием, атрибутированием) бывшей коллекции Музея Пирогова, если это, по вашему мнению, столь актуально и востребовано сегодня, в 110-ю годовщину создания музея? И начать эту работу... с ВММ. Хотя бы с того, чтобы не "свыше" или "около", а с точностью до единицы хранения назвать число хранящихся в ВММ пиროговских реликвий.

Нам могут возразить: но ведь авторы ищут и даже нашли! Например, "подлинный текст письма Н. И. Пирогова к Т. Бильроту ... который в российской литературе всегда приводится со значительными искажениями", потому что "никто из отечественных исследователей его никогда не видел". Сотрудникам же ВММ "вместе с ... И. А. Теличкиным, проживающим ныне в Великобритании, понадобилось около пяти лет, чтобы разыскать и получить подлинный текст письма (курсив наш — С. Г.)...".

Поначалу хочется воскликнуть: "Браво, коллеги!". Но что-то не кричится. Вот если бы ВММ получил на ПХ подлинник письма! А то ведь только подлинный текст. Но если его "никто и никогда не видел", а посему в литературе его "всегда ... значительно искажали", то и эта находка сама по себе очень ценна. Тем более что на нее ушло более 5 лет.

Поверим, что никто из отечественных пироговедов никогда в глаза не видел ни подлинника письма, ни фотографию, которую 21 июня 1881 г. Н. И. Пирогов отправил Т. Бильроту в Вену. По одной простой причине. И письмо, и фотография находятся в "особой кладовой" научного архива Венского университета, доступ в которую тоже, возможно, "весьма ограничен". И все-таки что-то тут не так. Но что? И где-то раньше нам уже встречалась фамилия "Теличкин". Но где?

Открываем 2-й номер журнала "Асклепий" за 2000 г. (тоже, кстати, иностранный, украинский журнал) и находим в нем то, о чем нам только что поведали авторы. В статье "К биографиям Пирогова и Бильбота: необходимое уточнение" украинский исследователь И. А. Теличкин рассказал и о проф. Н. А. Батуеве, впервые в 1911 г. обнаружившем подлинный черновик надписи Н. И. Пирогова на посланной Т. Бильроту фотографии, и о А. Брежнев, "исказившем" в своей книге о Н. И. Пирогове, а точнее, приведшем не полностью текст письма из германского источника²⁵. И, наконец, привел полный текст подлинного письма, который автор статьи скопировал с оригинала в научном архиве Венского университета.

Но вот ведь в чем заковыка. В то время как А. А. Будко и Ю. В. Ивановский пишут о том, что "сотрудники ВММ вместе с И. А. Теличкиным (курсив наш. — С. Г.) разыскали и получили подлинный текст письма...", сам И. А. Теличкин почему-то ни словом не упоминает о том, что в розысках ему помогли сотрудники ВММ. Да и непонятно, почему такому известному и уважаемому в мировом музейном пространстве учреждению, как ВММ, понадобилось целых 5 (!) лет, чтобы попасть в архив Венского университета. Ведь о том, что письмо хранится именно там, известно всем и давно. Да и фотография Везенберга, аналогичная той, которую Н. И. Пирогов послал в Вену, хранится в запасниках ВММ за инвентарным № 3618.

Складывается впечатление, что фразу в рукописи "сотрудникам ВММ удалось разыскать и получить подлинный текст письма", по-видимому, следует читать так: разыскал письмо и скопировал его текст "проживающий ныне в Великобритании" И. А. Теличкин, после чего любезно послал его своим коллегам в Россию, а те его "получили"; или же: "получили" в 2000 г., журнал "Асклепий" со статьей И. А. Теличкина; или же: И. А. Теличкин послал копию своей статьи в Петербург. Во всяком случае в то, что подлинник письма разыскал И. А. Теличкин, верится, а в то, что сделал он это "вместе с сотрудниками ВММ", — с трудом.

Останется ли имя Николая Ивановича Пирогова на знамени российской хирургии в XXI веке?

Так в чем же суть, "сухой остаток" того, о чем мы так много говорили? И зачем мы попросили уважаемую редакцию уважаемого журнала опубликовать одновременно авторский вариант

²⁴ Там же. — С. 146.

²⁵ Брежнев А. Пирогов. — М.: Молодая гвардия, 1990. — С. 464—469.

статьи и наши рассуждения на поднятую в ней актуальнейшую для всей российской медицины тему?

А дело вот в чем. Приближается 200-летие со дня рождения "отца" русской хирургии (В. А. Оппель, 1923). Известно, что в 1950—1960-е годы, в кануны 140-летнего и 150-летнего юбилеев ученого его имя получили улицы в Москве, Ленинграде, Виннице, Пятигорске, а также несколько институтов и больниц. Созданная в 1954 г. при президиуме АМН и правлении Всесоюзного научного общества хирургов Пироговская комиссия (председатель — акад. Б. В. Петровский, ученый секретарь — проф. А. М. Геселевич) положила начало организации Пироговских чтений и подготовила в 1957 г. выпуск I тома 8-томного собрания сочинений Н. И. Пирогова, завершено в 1962 г. Только за период между двумя этими юбилейными датами было опубликовано свыше 250 посвященных Н. И. Пирогову научных трудов, включая 7 монографий и брошюр, проведено более 200 научных конференций. Открыты памятники в Виннице и Махачкале, установлен бюст в зале заседаний президиума АМН СССР на ул. Солянка в Москве, выпущены конверт и почтовая марка и т. д. и т. п.

Что же делается в России сегодня для увековечения памяти нашего выдающегося соотечественника? Последние (23-и) Пироговские чтения в СССР состоялись в 1990 г. В 1986 г. издательство "Медицина" под редакцией Б. В. Петровского выпустило "Труды Пироговских чтений" в 2 томах. В новой России чтения были проведены дважды — в 1992 г. (в Институте хирургии им. А. В. Вишневского) и в 1997 г. (в РНЦХ РАМН). Иначе говоря, в последние 10 (!) лет бывшие когда-то ежегодными Пироговские чтения в стране не проводились ни разу!

В 1997 г. по инициативе Пироговской комиссии и лично Б. В. Петровского была переиздана "Иллюстрированная топографическая анатомия распиллов, произведенных в трех измерениях через замороженное человеческое тело" Н. И. Пирогова с предисловием Б. В. Петровского и комментариями И. В. Богорада. Этот уникальный труд вместе с названными выше трудами Пироговских чтений, стал последним крупным вкладом в современную пироговиану. Идея о переиздании 8-томного собрания сочинений Н. И. Пирогова, к сожалению, так и не была реализована. Да и Пироговская комиссия после смерти в 2004 г. ее бессменного председателя акад. Б. В. Петровского как бы перестала существовать.

С 1958 г. президиум АМН СССР регулярно (1 раз в 3 года) вручал премию Н. И. Пирогова, которая до сих пор является высшей научной наградой Академии за наиболее выдающиеся труды в области медицины. Но в современной России премия утратила свое материальное наполнение, что на фоне учрежденных в последние годы других многочисленных премий и наград не могло не сказаться на ее престиже.

С 1995 г. по инициативе Минздрава РФ и Российской медицинской ассоциации проводятся Пироговские съезды врачей. Всего за 10 лет проведено 6 таких съездов. Но на них в основном рассматривались общие вопросы здравоохранения — управление, экономика, права и обязанности врачей. Историко-медицинские и клинические, включая хирургические, проблемы, мы уже не говорим о музейных, на них не поднимались.

Сегодня имя Н. И. Пирогова носят Санкт-Петербургское и ряд областных хирургических обществ. Созданная в 1996 г. Ассоциация хирургов имени Н. И. Пирогова как правопреемница Всесоюзного научного общества хирургов провела за 10 лет 3 съезда (в Ташкенте, Санкт-Петербурге и в Москве), но вопросы пироговского наследия на них не рассматривались. К тому же ассоциация носила славное имя, на наш взгляд, чисто формально, поскольку увековечением его памяти не занималась. Это подтверждает и тот факт, что созданное в 2004 г. на ее основе Российское общество хирургов имя Н. И. Пирогова уже не носит. Как не носит его Российский государственный медицинский университет, правопреемник П ММИ, получившего имя Н. И. Пирогова 30 мая 1957 г. А ведь с 1989 г. и по крайней мере до 1997 г. в университете существовал Музей Пирогова, который, судя по сохранившейся фотографии, располагал уникальными экспонатами. Прошло всего 10 лет, но ни музея, ни экспонатов, ни даже воспоминаний о них у сотрудников РГМУ не осталось.

Что касается изучения пироговского наследия на академическом уровне, то в последний раз сессия общего собрания АМН СССР, специально посвященная этому вопросу, собиралась в октябре 1984 г. в Виннице.

В 2003 г. в составе Минздрава России по инициативе и под руководством акад. РАМН Ю. Л. Шевченко был создан Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова, в котором проводится планомерная работа по изучению наследия Н. И. Пирогова. Доказательство этому — создание Кабинета-музея Н. И. Пирогова, издание монографии о Музее Пирогова в Санкт-Петербурге и многое другое. В настоящее время коллектив Центра, насколько нам известно, собирает материалы

для причисления Н. И. Пирогова Русской православной церковью к лику святых. Но это только один центр из весьма и весьма немногих.

Ну, а что же "Музей Пирогова"? Его прошлое, хотя и весьма туманно, но все же в общих чертах понятно. Какова же его настоящая судьба?

Дома на Большой Невке в Санкт-Петербурге, где он когда-то располагался, давно нет. Разгоревшаяся в 1996 г. в "Медицинской газете" полемика вокруг создания "Дома Пирогова" в Москве по примеру "домов" Гийома Дюпюитрена в Париже, Джона Хантера в Лондоне или Конрада Лангенбека в Берлине закончилась ничем. Любопытно, что московские врачи поднимали этот вопрос еще в 1897 г., когда был открыт памятник Н. И. Пирогову на Царицынской улице. Известно, что к 1917 г. для создания "Дома Пирогова" в Москве был выделен участок и собрано добровольных пожертвований на сумму в несколько сот тысяч рублей. Куда они делись после известных событий 1917 г., никому не известно.

Домы в Москве, в которых родился (Мельницкий переулок, дом 12) и учился (Верхне-Сыромятинская улица, дом 7) Н. И. Пирогов и где можно было бы устроить этот музей, в настоящее время снесены, причем вместе с мемориальными досками, установленными на них в 1960 г. по ходатайству Пироговской комиссии и с разрешения Исполкома Моссовета.

На недавнее обращение в Комитет по культуре Московского правительства академиком РАМН Л. А. Бокерия и Ю. Л. Шевченко о создании во дворе дома по Мельницкому переулку памятной стелы уважаемые академики получили ответ, что их просьба со временем будет рассмотрена.

"Кабинет по изучению жизни и деятельности Н. И. Пирогова", существовавший с 1954 г. до начала 1990-х годов прошлого века в Институте хирургии им. А. В. Вишневского в виде отдельной и довольно большой по размерам комнаты, в настоящее время не функционирует. Часть его экспонатов выставлена в музее института, но за неимением места они далеко не в полной мере отражают тот уникальный материал, который когда-то собрали научный руководитель музея А. М. Геселевич и его директор А. Б. Серебрянников и который сегодня, возможно, еще хранится в его фондах.

Пироговский зал ВММ, как мы уже говорили, уместается в небольшой по размерам комнате. Большинство уникальных экспонатов, малую толику которых описали авторы статьи, хранятся в запасниках и малодоступны для изучения.

Таким образом, с одной стороны, приходится с сожалением констатировать, что в современной России имя Н. И. Пирогова постепенно "стирается" со знамени российской хирургии. Во всяком случае, сохранность его реликвий сегодня уже мало кого, кроме музейщиков, волнует. И подготовленный в ноябре 2006 г. к одному из заседаний Хирургического общества в Москве доклад, посвященный 125-летию со дня кончины Н. И. Пирогова, одним мандатом руки председателя общества был снят с повестки дня, как... не поданный заранее, без согласования с ним. Догадываетесь, какое сообщение должно было состояться и состоялось на том заседании? Правильно, сообщение... самого председателя общества²⁶!

²⁶Мне вспоминается реакция одного из уважаемых профессор-интеллигентов на мое предложение в год 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина сделать на одном из заседаний сосудистой секции Всероссийского съезда сердечно-сосудистых хирургов доклад о варикозной болезни великого русского поэта, которой он страдал на протяжении всей жизни. Ответ был обескуражившим: "А зачем нам слушать о болезни какого-то там... эфиопа?".

С другой стороны, ныне уже зарубежный Винницкий медицинский университет до сих пор носит имя москаля Микола Ивановича Пирогова, а его Музей-усадьба с 1997 г. указом посетившего музей Президента Украины Л. Кучмы объявлен национальным достоянием страны. Музей находится в прекрасном состоянии и, как мы в том неоднократно убеждались, ежедневно посещаем огромным количеством желающих. Многие ходят туда семьями и регулярно! В таком же прекрасном состоянии находится и 120-летняя мумия Н. И. Пирогова, хранящаяся в склепе под отреставрированной часовой в селе Шереметка, которое территориально входит в состав Винницы. Кстати, вход на территорию усадьбы, в музей и в склеп свободный и бесплатный для всех желающих.

Более того, в октябре 2006 г. в Виннице прошли уже III Пироговские чтения, которые наши украинские коллеги сделали традиционными. Причем в их организации и проведении принимают участие и Министерство здравоохранения, и Министратство образования и науки, а также академии медицинских и педагогических наук. В общем, все — как в лучшие советские времена. Кстати, со всей ответственностью можем подтвердить, что во время проведения чтений никаких националистских "поползновений" на имя великого русского хирурга нам видеть и слышать не приходилось.

Таким образом, из всего изложенного выше можно сделать вывод, что в последнее десятилетие XX века и в первое десятилетие нынешнего мероприятия по увековечению памяти Н. И. Пирогова в России проводились стихийно, без какой-либо координации как со стороны Министерства здравоохранения или Академии медицинских наук страны, так и со стороны Российского общества хирургов (бывшей Ассоциации хирургов им. Н. И. Пирогова). Между тем, если в XIX—XX веках хирургические каноны Н. И. Пирогова, например, в области хирургии войны, были актуальны и общеприняты, то будут ли они столь же востребованы в XXI веке, когда на смену "военно-полевой хирургии" придет "военно-городская", а имя Н. И. Пирогова из позапрошлого века затмят другие, не менее громкие имена из истории отечественной медицины и хирургии прошлого столетия?

Иначе говоря, сутью, "сухим остатком" нашей рецензии, превратившейся в полемическую статью, является даже не тот риторический вопрос, который задают авторы рецензируемой работы в ее конце: "Можно ли возродить старый или создать новый Музей Пирогова, ... если необходимость его организации представляется весьма спорной?", а тот, самый главный, самый основной и волнующий несравненно более предыдущего вопрос вопросов: останется ли имя Н. И. Пирогова на знамени российской хирургии в XXI столетии. И если останется, то будет ли оно гореть столь же ярко, как горело в XX веке? Вопрос не праздный, и ответ на него не так очевиден, как кажется на первый взгляд, но нам бы очень хотелось, чтобы он все же был положительным.

Что же касается уроков, которые можно и должно вынести из судеб Музея Пирогова и его коллекции, то звонок на один из них может прозвенеть в самое ближайшее время. Очень вероятно, что скоро президиуму РАМН предстоит разбираться с сохранностью коллекции прекратившего свое существование в конце XX века Центрального музея медицины бывшего НИЦ "Медицинский музей" РАМН, насчитывавшей, по некоторым сведениям, до 800 тыс. (!) единиц хранения. И члены президиума могут быть очень огорчены, если за время, прошедшее с момента расформирования музея, с коллекцией произошло то же самое, что и с "пироговскими реликвиями" Музея Пирогова.

Поступила 18.02.08